

МАГИСТР В ТЕНИ

ДИПЛОМ ДЛЯ МЫМРЫ,
ИЛИ КАК ПРОДАТЬ БЫВШЕГО

Селена Гримм

Селена Гримм

**Диплом для мымры, или
Как продать бывшего**

«Автор»

2026

Гримм С.

Диплом для мымы, или Как продать бывшего / С. Гримм —
«Автор», 2026

Говорят, после тяжелого развода жизнь нужно начинать с чистого листа. Но почему этот лист оказался пергаментом, а вместо новой квартиры у меня в руках швабра?! Я очнулась в теле бессловесной служанки в чужом мире. Хуже того: местный «благоверный» умудрился продать меня за долги суровому и ироничному главе Тайной стражи. Но они плохо знали Веронику. Я дипломированный специалист, и вытирать пыль в чужих особняках вечно не намерена! Здесь женщинам запрещено преподавать магию? Что ж, утягивающий корсет, фальшивые усы, строгий сюртук — и вот уже Академия магии трепещет перед новым эксцентричным профессором магических структур. Теперь моя задача: Не спалиться перед студентами. Не выдать себя Хозяину, который подозрительно часто заглядывает ко мне на лекции. Окончательно доказать бывшему, что связываться с умной женщиной — смертельно для здоровья. Посмотрим, чья магия окажется сильнее!

Содержание

ГЛАВА 1. ФИНАЛЬНЫЙ АККОРД	5
ГЛАВА 2. ВЕДРО, ТРЯПКА, МАГИЯ	11
ГЛАВА 3. СЮРПРИЗ ОТ МЕСТНОЙ ЗАГОГУЛИНЫ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Селена Гримм

Диплом для мымры, или Как продать бывшего

ГЛАВА 1. ФИНАЛЬНЫЙ АККОРД

Больничный потолок был белым. Таким белым, что глазам становилось больно. Хотя глаза болели не от потолка.

Вероника моргнула. Потолок не исчез. Больничная палата — тоже.

Стены в бледно-салатовой плитке, кое-где треснувшей. Капельница с прозрачным раствором, мерно отсчитывающая капли. Тихий писк кардиомонитора где-то за изголовьем. Запах хлорки и лекарств — тот самый, больничный, который ни с чем не спутаешь.

Всё как в дешёвом сериале, который она в прошлой жизни даже смотреть бы не стала. Слишком банально. Слишком предсказуемо.

Только жизнь, как выяснилось, бывает гораздо банальнее любого сериала. И гораздо больнее.

— Очнулась, милая?

Голос прозвучал откуда-то слева. Вероника медленно, преодолевая боль в шее, повернула голову. На стуле у койки сидела медсестра — пухлая тётка лет пятидесяти, с усталыми, выцветшими глазами и причёской «я сдаюсь». В руках она держала вязание — что-то неопределённо-серое, бесконечное.

— Повезло тебе, — медсестра вздохнула и отложила спицы. — Ушибы множественные, сотрясение мозга лёгкой степени, трещина в четвёртом ребре слева. Гематомы по всему телу. Но жить будешь.

«Повезло».

Вероника мысленно попробовала это слово на вкус. Оно оказалось горьким. С металлическим привкусом — как кровь из разбитой губы. С привкусом чужого дорогого одеколona и собственного унижения.

Повезло. Ну да. Просто праздник какой-то.

— Сколько я здесь? — голос прозвучал хрипло, незнакомо. Она прокашлялась и тут же пожалела об этом: рёбра отозвались тупой, глубокой болью.

— Третьи сутки. Вас без сознания привезли. Скорая, — медсестра помолчала, словно раздумывая, стоит ли продолжать. Потом всё-таки решилась. — Муж твой тут был. В первый день. Порывался в палату.

Что-то внутри Вероники сжалось в ледяной комок.

— Мы охрану вызвали, не пустили, — медсестра поджала губы, и в этом движении читалась целая история. История женщины, которая за двадцать лет работы в травматологии повидалась таких «мужей» до чёртиков. — Кричал, что ты сама упала. Требовал, чтобы тебя выпи-сали под его ответственность. Врач отказал.

«Сама упала».

Вероника медленно закрыла глаза.

Упала. Конечно. Прямо об его кулак. Десять раз подряд. Или пятнадцать? Она сбилась со счёта где-то на восьмом. А потом был пинок под рёбра — это когда она уже лежала на полу, свернувшись калачиком и пытаясь защитить голову. И его голос, срывающийся на фальцет: «Ты меня разозлила, дура! Сама виновата!»

Виновата. Разумеется. В том, что подала на развод. В том, что не захотела больше терпеть его пьяные загулы, его пренебрежение, его хамство. В том, что осмелилась напомнить ему, что у неё вообще-то красный диплом технического университета, а не справка об окончании курсов домохозяйек. В том, что перестала быть удобной.

Восемь лет брака. Восемь лет она терпела, оправдывала, прощала. Ушла с работы, когда он сказал: «Зачем тебе эти чертежи, я и так хорошо зарабатываю». Перестала встречаться с подругами, которые ему не нравились. Научилась улыбаться на корпоративах его фирмы и делать вид, что ей интересно слушать пьяные байки его партнёров. Научилась не плакать, когда он в очередной раз забывал про годовщину. Научилась не замечать следы чужой помады.

Научилась быть тенью. Удобной, бессловесной, незаметной тенью.

А когда тень вдруг обрела голос и сказала: «Я ухожу» — он сорвался.

Потому что Стас Громов, владелец строительной фирмы «Громов и партнёры», уважаемый человек, спонсор детских спортивных соревнований, душа компании, — не мог пережить одного: что от него *ушли*. Его, такого раскрепостившего, бросили. Как старую вещь, которую выставили за дверь.

И он решил доказать, кто в доме хозяин. Кулаками. Очень по-мужски. Очень достойно. — Полиция? — спросила Вероника, не открывая глаз.

Медсестра промолчала. И это молчание было красноречивее любого ответа.

Ну да. Полиция. Участковый — его приятель по спортзалу. Начальник райотдела — его клиент, которому Стас строил дачу. Она для них — истеричка, которая довела хорошего мужика, а теперь пытается выставить его злодеем. Классика жанра, знакомая миллионам женщин по всей стране.

— Вам бы заявление написать, — тихо сказала медсестра. И тут же добавила, словно извиняясь за свою смелость: — Но это я так. Не моё дело.

— Спасибо, — Вероника открыла глаза. — Я подумала.

Медсестра кивнула, взялась за своё вязание и замолчала.

А Вероника осталась наедине с белым потолком.

Если тебя били, ты знаешь это чувство. Чувство, когда собственное тело становится чужим. Когда каждое движение отдаётся болью, а кожа помнит каждое прикосновение — не любовное, не нежное, а жёсткое, злое, уничтожающее.

Она лежала и смотрела в потолок, и перед глазами прокручивалась картинка того вечера.

Она пришла забрать последние вещи. Документы, книги, мамину шкатулку. Думала — он будет на работе. Не учла, что его секретарша доложит.

Он ворвался в квартиру пьяный — хотя было всего три часа дня. Сразу с порога начал орать. Что она опозорила его перед друзьями. Что она неблагодарная тварь. Что он её «из грязи поднял» — и это было особенно смешно, учитывая, что на момент знакомства у него не было ничего, кроме подержанной иномарки, а у неё — диплом инженера-конструктора, хорошая должность в проектной бюро и квартира, оставленная бабушкой. Квартира, которую он потом уговорил продать, чтобы вложиться в его бизнес. «Мы же семья, у нас всё общее!»

Семья. Общее.

Когда бизнес пошёл в гору, общим стало только его имущество. А она оказалась никем. Приживалкой. «Ты кто без меня? Никто. Ноль без палочки».

И тогда, в тот вечер, она впервые за восемь лет не промолчала. Посмотрела ему в глаза и сказала: «Ты — пустое место, Стас. И всегда им был. Просто я слишком долго тебя приукрашивала».

Это было последнее, что она помнила до того, как первый удар пришёлся в лицо.

Дальше — темнота. Вспышки боли. Вкус крови. И его лицо — перекошенное, багровое, с выпученными от ярости глазами. Лицо человека, который понял, что его власть закончилась. И решил взять своё единственным доступным ему способом — силой.

Вероника глубоко вздохнула. Рёбра протестующе заныли.

Знаете, что самое смешное? В тот момент, лёжа на полу и принимая удар за ударом, она не плакала. Не умоляла. Не просила пощады.

Она считала.

Инженерный ум, чтоб его. Он и в критической ситуации работал как часы. Она считала удары — просто чтобы занять мозг, просто чтобы не сойти с ума от боли. На восьмом сбилась. На двенадцатом потеряла сознание.

А когда очнулась — здесь, на больничной койке — первая мысль была не «почему я», не «за что», не «как он мог».

Первая мысль была: «Больше никогда».

И это было не эмоциональное обещание, которое люди дают себе в минуту отчаяния, чтобы нарушить через неделю. Это был холодный, спокойный, инженерный расчёт. Уравнение с одним неизвестным. Она просто нашла решение.

Больше никогда ни один мужчина не поднимет на неё руку. Ни один мужик в мире. Вообще никто и никогда.

Потому что больше она не даст им такой возможности.

Не даст власти над собой. Не даст повода. Не даст шанса.

Ни пальцем. Ни словом. Ни взглядом.

Ни-о-дин.

Она лежала и думала об этом, и внутри что-то менялось. Что-то фундаментальное, глубинное. Как будто треснула и осыпалась старая, отжившая своё скорлупа, а под ней обнаружилось нечто новое. Холодное. Твёрдое. Стальное.

Та Вероника, которая восемь лет терпела, прощала и надеялась, — она умерла. Прямо там, на полу их бывшей квартиры, под градом ударов. Умерла и больше не воскреснет.

А новая Вероника — она будет другой.

— Вам бы поспать, — донёсся голос медсестры. — Организму нужен покой.

— Да, — тихо ответила Вероника. — Поспать.

Она закрыла глаза.

Сон пришёл не сразу. Сначала были мысли — липкие, тягучие, как болото. Что делать дальше? Возвращаться в пустую съёмную квартиру, куда она переехала после развода? Пытаться восстановиться на работе? Писать заявление в полицию, заранее зная, что его положат под сукно? Ждать, пока Стас снова появится на пороге, потому что такие, как он, не успокаиваются?

Нет. Хватит.

Она что-нибудь придумает. Она всегда умела придумывать. Инженерное мышление — это не только про мосты и механизмы. Это про умение найти выход из любой, самой безвыходной ситуации. Про способность просчитать варианты и выбрать оптимальный.

Темнота начала подступать от краёв сознания — мягкая, обволакивающая. Вероника проваливалась в неё, как в тёплую воду, и последней связной мыслью было: «Больше никогда. Ни один мужик. Никогда».

А потом темнота сомкнулась.

И началось что-то странное.

Ей снился шум. Гулкий, множась эхом, как в огромном пустом зале. И ещё запах — не больничной хлорки, а чего-то другого. Сырого, каменного. Запах подвала или погреба. Запах старого здания.

А потом к запаху добавился звук. Голоса.

— ...говорю тебе, не жилец она. Третий день лежит, только стонет иногда.

— Так может, лекаря?

— На какие шиши? Лорд денег на такое не выделяет. Скажет — сама виновата, нечего было в магическую лабораторию соваться без допуска.

— Так она ж убиралась там! Не знала, что нельзя трогать!

— Ну вот теперь знает.

Голоса звучали странно. Незнакомо. И слова какие-то... Вероника попыталась открыть глаза — и не смогла.

Паника подступила к горлу.

Что за чёрт? Почему она не может открыть глаза?

— Гляди, ресницы дрожат! — тот же голос, женский, резкий. — Оклемается, видать.

— Да уж лучше б не оклемалась. Ей же хуже будет, когда лорд узнает, что она в лаборатории натворила.

— А что она натворила-то? Ты видела?

— Там такое светопредставление было! Я как раз мимо шла с бельём. Вспышка — ярче дня! И её отгудова как вышвырнет! Вся в копоты, глаза закатила...

Вспышка? Лаборатория? Лорд?

Последние остатки сна слетели с Вероники, как шелуха. Она рывком открыла глаза — и уставилась в потолок.

Потолок был не белый. И не больничный.

Каменный. Серый. С потёками сырости в углу. С низко нависающей балкой, потемневшей от времени. И где-то там, наверху, трепетала паутина.

Вероника моргнула.

Потолок не изменился.

Она медленно, очень медленно (потому что тело всё ещё болело, но как-то иначе, незнакомой болью) повернула голову.

Она лежала в крошечной каморке без окон. Грубые каменные стены, деревянная дверь, обитая железными полосами. Узкая лежанка под ней — даже не кровать, а набитый соломой тюфяк, жёсткий и колючий. Единственный источник света — тусклый магический светильник на стене, который не горел, а именно что светился, ровным мертвенным светом.

И рядом с лежанкой стояли две женщины в длинных серых платьях и белых передниках. Горничные? Служанки?

Одна — та, что постарше — смотрела на неё с плохо скрываемой неприязнью. Вторая, помоложе, с любопытством и толикой жалости.

— Очнулась, — констатировала старшая. Голос у неё был скрипучий, как несмазанная дверь. — Ну, слава Триединому. Поднимайся, Ника. Хватит прохлаждаться. Работы полно.

Ника.

Они называли её Никой.

Вероника открыла рот, чтобы сказать: «Вы ошиблись, я Вероника», — но голос не слушался. Горло пересохло, язык казался чужим.

Молодая служанка заметила её мучения и сунула в руки глиняную кружку с водой. Вода пахла тиной и была противно-тёплой, но Вероника выпила её залпом.

— Где я? — спросила она, когда голос наконец вернулся.

Старшая всплеснула руками:

— Где-где! У себя в каморке, где ж ещё! Ты головой-то не сильно ударилась, память не отшибло? Или прикидываешься, чтоб не работать?

— Марта, ну правда, может, ей ещё полежать? — робко вступилась молодая.

— Ага, разбежалась! — отрезала Марта. — У нас сегодня приём, гости будут к вечеру. Верхний этаж не убран, серебро не начищено, постели не перестелены. Мне некогда с ней нянчиться!

Вероника слушала этот поток — и понимала, что ничего не понимает.

Какой приём? Какое серебро? Почему эти женщины, которые явно находятся в здравом уме, разговаривают как актрисы исторического театра? И почему она, Вероника Громова, инженер-конструктор, двадцати девяти лет от роду, лежит на колючем соломенном тюфяке в каменной каморке без окон?

— Поднимайся, я сказала! — Марта шагнула к лежанке, явно намереваясь стащить её силой.

И тут Вероника увидела свои руки.

Это были не её руки.

То есть технически, конечно, руки — пять пальцев, ладонь, запястье. Но не её. Чужие. Тонкие, бледные, с загрубевшей от работы кожей, с обломанными ногтями и мозолями на ладонях. Никакого обручального кольца. Никакого знакомого шрамика на указательном пальце (подарок строгального станка на втором курсе).

Чужие руки.

Вероника медленно села — тело слушалось плохо, как будто его заново нужно было настраивать — и опустила взгляд вниз.

Чужие ноги. Чужая грубая рубаха. Чужое тело.

Паника, которая до этого копилась где-то на задворках сознания, рванула наружу.

Но Вероника была инженером. А инженер в критической ситуации не паникует — он собирает данные.

Факт первый: она находится в неизвестном месте, которое не похоже ни на одну из известных ей больниц.

Факт второй: окружающие называют её Никой и ведут себя так, будто знают её давно.

Факт третий: её тело изменилось. Кардинально.

Факт четвёртый: на стене висит светильник, который светится без огня и без проводов.

Из этих четырёх фактов следовал вывод — абсолютно безумный, но единственно возможный.

Она не в своём мире.

И она не в своём теле.

— Ника! — рявкнула Марта. — Оглохла? Я кому говорю!

И Вероника — нет, теперь уже, видимо, Ника — медленно встала.

Ноги держали плохо. Тело было слабым, словно после долгой болезни. Но она встала.

А потом выпрямилась — насколько позволял низкий каменный потолок — и посмотрела на Марту.

Взглядом, которым она когда-то смотрела на зарвавшихся подрядчиков, срывающих сроки сдачи объекта. Взглядом, от которого у практикантов дрожали коленки. Взглядом, которым она (в прошлой жизни) умела поставить на место кого угодно.

Марта осознала этот взгляд не сразу — а когда осознала, её брови поползли вверх.

— Ты чего это? — спросила она уже не так уверенно.

— Ничего, — голос прозвучал тихо, но с той особенной интонацией, которая не предполагает возражений. — Сейчас приду в себя и приступлю к работе.

Марта помолчала, явно сбитая с толку. Прежняя Ника никогда не отвечала так. Прежняя Ника вообще редко поднимала глаза от пола.

— Ну... ну смотри, — пробормотала старшая горничная. — Время не ждёт.

И вышла, утянув за собой молодую.

Дверь захлопнулась.

Ника осталась одна.

В крошечной каморке без окон. В чужом теле. В чужом мире. С мозгом, полным инженерных формул и жизненного опыта, который здесь, скорее всего, абсолютно бесполезен.

Она медленно опустилась обратно на тюфяк. Не потому, что не могла стоять — могла. А потому что нужно было подумать.

Итак. Подведём итоги.

Вероника Громова, двадцать девять лет, инженер-конструктор, разведёнка с побоями, — скончалась? Переместилась? Поменялась телами с какой-то бедолагой из параллельного мира? Как бы то ни было, факт остаётся фактом: прошлой жизни больше нет. Той квартиры больше нет. Стаса больше нет. Ничего больше нет.

А есть новая жизнь. В теле забитой служанки, которую, судя по разговору, чуть не убило в какой-то магической лаборатории. В доме некоего лорда, который «не выделяет денег» на лечение прислуги. В мире, где магия — это реальность, а не раздел фантастики в книжном магазине.

Вероника — нет, Ника — глубоко вздохнула.

Страшно? Да. До чёртиков страшно.

Но знаете, что? Той боли, которую она испытала на полу своей бывшей квартиры, не сравнится ни с чем. Никакая магия, никакие лорды, никакие чужие миры не могли напугать её сильнее, чем собственный муж с перекошенным от злости лицом.

Так что — спасибо, вселенная, за новую возможность. Разберёмся.

Ника поднялась с тюфяка — в этот раз увереннее. Оглядела каморку в поисках хоть какого-то зеркала. Нашла на стене мутный кусок отполированного металла. Всмотрелась.

Из отражения на неё глянуло чужое лицо. Молодое — может, чуть за двадцать. Худое, бледное, с синяком на скуле и запёкшейся царапиной на лбу (видимо, последствия того самого взрыва в лаборатории). Глаза — серые, усталые, с покрасневшими веками. Волосы — русые, тусклые, собранные в жидкий пучок.

Но в этих чужих глазах горело что-то знакомое. Что-то упрямое. Что-то стальное.

Ника подмигнула своему отражению.

— Ну здравствуй, новая я, — пробормотала она. — Значит так, подруга. Ты и я — мы тут надолго. Так что давай сразу договоримся. Плакать больше не будем. Жалеть себя не будем. Мужей — ни бывших, ни будущих — бояться не будем. А со всем остальным — разберёмся.

Отражение, разумеется, ничего не ответило.

Ника поправила съехавший передник, расправила плечи и толкнула дверь.

Пора было выяснять, что это за место, кто этот загадочный лорд и почему, собственно, местная Ника полезла в магическую лабораторию без допуска. А заодно понять, как отсюда выбраться и начать новую жизнь. Жизнь, в которой ни один мужик — с магией или без — не посмеет поднять на неё руку.

— Ну держитесь, аборигены, — сказала Ника в каменный коридор и шагнула вперёд.

Где-то вдалеке послышался звон колокольчика и крик Марты: «Ника! Где тебя носит?!»

Она улыбнулась. Холодно. Хищно. Так, как улыбалась когда-то перед защитой сложного проекта.

— Иду, — ответила она. — Иду.

ГЛАВА 2. ВЕДРО, ТРЯПКА, МАГИЯ

Коридор встретил её запахом старого камня и сырости. Тусклые магические светильники — теперь Ника знала, что они магические, потому что никаких проводов и выключателей не наблюдалось — тянулись вдоль стен редкой цепочкой, выхватывая из темноты грубую кладку и деревянные двери с железными петлями.

Служебный коридор. Он и пах соответственно — щёлоком, пылью и застарелым потом.

Ника шла на звук голоса Марты, попутно сканируя пространство. Привычка. Старая, ввевшаяся в подкорку инженерная привычка — оценивать несущие конструкции, замечать трещины в стенах, прикидывать возраст постройки. Этому коридору было, наверное, лет сто, не меньше. Камни в кладке притёрты плотно, но кое-где виднелись следы ремонта — более светлые заплатки, укреплённые углы.

— Да где ты ползаешь?! — Марта вынырнула из бокового прохода, как разъярённая фурия. В одной руке она держала ведро с грязной водой, в другой — здоровенную тряпку неопределённого цвета. — Держи!

Ведро и тряпка оказались в руках Ники прежде, чем она успела возразить.

— Восточное крыло. Гостевые покои. Четыре спальни, гостиная и малая столовая. Вымыть, вычистить, проветрить. Пыль — чтоб ни пылинки! Полы — чтоб блестели! Зеркала — чтоб сияли! Бельё постельное в шкафах, застелить по ранжиру. К вечерней зорьке чтоб всё было готово. Вопросы?

Вопросов была масса. Начиная с «где взять чистую воду» и заканчивая «зачем вообще я это делаю». Но Ника благоразумно промолчала.

— Вот и славно, — Марта, видимо, приняла молчание за покорность. — И смотри мне, в лабораторию больше ни ногой! Один раз лорд не заметил — второй раз голову открутит. И мне заодно, чтоб недосмотрела. Всё, ступай.

И исчезла за поворотом — видимо, у неё самой дел было по горло.

Ника осталась в полумраке коридора с ведром в одной руке и тряпкой в другой.

— Великолепно, — произнесла она вслух. — Просто великолепно. Из дипломированных инженеров — в повелительницы унитазов. Карьерный рост, достойный записи в трудовой книжке.

Эхо отозвалось от каменных стен и затихло.

Она вздохнула и пошла искать восточное крыло.

Особняк оказался огромным. Нет — ОГРОМНЫМ. Таким огромным, что по пути в восточное крыло Ника успела трижды заблудиться, один раз чуть не влететь в какого-то лакея, нёсшего поднос с посудой, и дважды спрятаться в нишах от группок слуг, которые явно были выше её по местной табели о рангах. Какая там иерархия у прислуги — она пока не разобралась, но здороваться с ней никто не спешил. Максимум — скользкий взгляд и лёгкий кивок. Значит, Ника-служанка здесь где-то в самом низу пищевой цепочки. Ниже только, наверное, крысы в подвале.

«Отлично. Обожаю начинать с нуля. В прошлой жизни тоже начинала. Правда, там у меня хотя бы диплом был и трудовой стаж. А тут — ведро и тряпка».

Наконец она нашла восточное крыло.

Это была анфилада комнат — высокие потолки, стрельчатые окна с цветными витражами, стены, обитые тканью, массивная деревянная мебель. Пыль лежала ровным слоем на всех горизонтальных поверхностях, а в углах гостиной Ника заметила паутину размером с хорошее кашне. Видимо, гостей здесь не принимали давно.

— Ну что ж, — сказала она пустой комнате. — Работа знакомая. В общаге на первом курсе я и не такое отмывала. Справимся.

И взялась за дело.

Первым делом — найти источник воды. Им оказалась небольшая подсобка в конце коридора с каменной раковиной и краном. Кран был без вентиля — просто медный носик, торчащий из стены. Ника поднесла к нему руку, и из носика потекла вода. Сама. Без прикосновений.

— Ага, — сказала Ника. — Сенсорное управление. Магический аналог. Удобно.

Она набрала ведро холодной воды (горячей, видимо, здесь не предусматривалось), нашла в той же подсобке кусок мыла, жёсткую щётку и относительно чистые тряпки. И приступила.

Мытьё полов — медитативное занятие. Особенно когда полы каменные, а площадь каждой комнаты — примерно как у её бывшей двушки. Драишь камень, а в голове крутятся мысли.

Итак. Что она знает о новом мире?

Факт первый: здесь существует магия. Причём не сказочная «трах-тибидох», а бытовая, встроенная в повседневность. Магические светильники. Магические краны. Вероятно, магическое отопление — она заметила, что в комнатах тепло, несмотря на каменные стены и осень за окном.

Факт второй: этот мир феодальный, с чёткой иерархией. Лорды, прислуга, долговые контракты. Предыдущая Ника попала сюда не по своей воле — её продал муж за долги. Это дико, это чудовищно, это пахнет средневековьем, но такова реальность. И с этой реальностью надо работать.

Факт третий: её собственное тело погибло. Или не погибло — она не знала, — но связь с прошлой жизнью оборвана. Ни телефона, ни интернета, ни полиции, ни адвокатов. Только она, её мозг и её опыт. И ведро с тряпкой.

Факт четвёртый, самый тревожный: что-то случилось в лаборатории. Предыдущая Ника то ли случайно активировала какое-то заклинание, то ли попала в ловушку, то ли... Да что гадать? Надо разузнать. Осторожно. Аккуратно. Потому что лорд, который «не выделяет денег» на лечение прислуги, вряд ли будет в восторге от того, что его собственность съёт нос в магические дела.

«Собственность, — Ника с ожесточением тёрла каменный пол. — Какая прелесть. Я — чья-то собственность. Долговая расписка в юбке».

Эта мысль жгла хуже, чем натёртые ладони.

В прошлой жизни она была чьей-то собственностью? Ну... фактически да. Восемь лет она принадлежала Стасу. Его вещь. Его жена. Его домохозяйка. И только когда решила стать собой — её избили и выбросили.

«Так. Стоп. Об этом не думаем».

Она перешла к следующей комнате.

Через два часа восточное крыло сияло. Ника, сама того не ожидая, втянулась. Физическая работа помогала не думать, а когда она не думала — не болело внутри.

Она вымыла полы. Вытерла пыль со всех поверхностей, включая карнизы и верхушки дверных проёмов (пришлось вставать на стул — тело было хилым и быстро уставало). Натёрла зеркала — их в гостиной оказалось целых три, и все в тяжёлых золочёных рамах. Застелила постели свежим бельём, найденным в шкафах, — бельё пахло лавандой и было грубым, но чистым.

В малой столовой она обнаружила камин. Настоящий, каменный, с чугунной решёткой. И — о чудо! — рядом лежали дрова. Ника, повинувшись какому-то наитию, сложила их в камине и поискала глазами спички. Спичек не было.

— Ну конечно, — пробормотала она. — Зачем спички, если есть магия?

Она осмотрела каминную полку. Магический выключатель? Или нужно произнести заклинание? Или...

И тут случилось странное.

Она посмотрела на дрова — просто посмотрела, прищурившись, как когда-то смотрела на сложные чертежи, пытаясь понять структуру, — и увидела.

В воздухе над камином висела полупрозрачная сеть. Тонкая, едва заметная, переливающаяся золотистыми и алыми нитями. Она напоминала электрическую схему — сложную, многомерную, с узлами и пересечениями. Один из узлов пульсировал особенно ярко.

Ника замерла. Потом моргнула. Сеть не исчезла — она стала чуть прозрачнее, но всё ещё была видна.

— Какого... — прошептала она.

Рука сама потянулась к пульсирующему узлу. Пальцы прошли сквозь него — и камин вспыхнул.

Ярко. Жарко. С весёлым треском поленьев.

Ника отшатнулась.

— Та-а-ак, — сказала она, усаживаясь на ближайший стул. — Интересное кино.

Она снова посмотрела на камин. Прищурилась.

Золотистая сеть всё ещё была видна. Теперь в ней появился новый элемент — алая нить, идущая от того самого узла к поленьям. Огонь.

Ника перевела взгляд на магический светильник на стене. Прищурилась.

И там была сеть. Другая — более простая, статичная, без пульсирующих узлов. Просто светящийся контур.

На зеркало. Ничего. Обычное зеркало.

На кран в подсобке (она сходила проверить). Сеть. Сложная, с голубыми нитями, уходящими куда-то в стену. Вероятно, к источнику воды.

— Я вижу магию, — произнесла Ника вслух, пробуя эту фразу на вкус. — Я вижу структуру заклинаний. Как электрические схемы. Как чертежи.

Она опустила на стул.

Инженерное образование плюс магический мир равно... чему? Суперспособности? Проклятию? Особому дару?

В дверь постучали. Ника вздрогнула и обернулась.

На пороге стояла та самая молодая служанка, что заступалась за неё в камерке. Худенькая, курносая, с веснушками на носу и рыжеватыми кудряшками, выбивающимися из-под чепца.

— Ой! — сказала она, увидев Нику. — Ты уже всё убрала?

— Ну... да, — Ника моргнула, и магическая сеть вокруг камина исчезла. Стоило расслабить взгляд — и она пропала. Значит, это работало как мышечное усилие. Интересно.

— Здорово как! — служанка всплеснула руками. — Марта говорила, ты после того случая совсем плоха, а ты вон как! Я — Кора, — она улыбнулась, и улыбка у неё была открытая, добрая. — Мы с тобой раньше мало говорили, ты всегда такая тихая была. А теперь...

— Теперь я какая? — Ника приподняла бровь.

— Другая, — Кора чуть смутилась. — Не знаю. Вроде ты, а вроде и нет.

Ника усмехнулась про себя. Если бы ты знала, милая Кора, насколько ты права.

— Я пришла сказать — обед для прислуги через полчаса, — Кора переступила с ноги на ногу. — И ещё... Марта велела передать, что вечером лорд устраивает приём. Гостей будет много. Всех слуг поставят обслуживать. Так что готовься.

— Приём? — Ника насторожилась. — Что за приём?

— Ой, большой! — глаза у Кору загорелись. — Говорят, сам ректор Академии Магии придёт! И советники королевские! Лорд Торнвуд у нас знаешь кто? Он глава Магической Безопасности всей Вельдени. У-у-у! — она сделала круглые глаза.

Глава Магической Безопасности. Значит, лорд Торнвуд — не просто богатый бездельник. Это серьёзная фигура. Очень серьёзная.

— А ты, говорят, в лабораторию его зачем-то полезла, — Кора понизила голос. — Марта врёт и мечет. Ты зачем туда вообще пошла? Там же заклинания охранные, чуть не убило!

— Не помню, — честно ответила Ника. — Правда, не помню. Всё как в тумане.

— Ну да, ну да, — Кора покивала. — После такого-то. Ладно, приходи на обед, я тебе местечко займу. А то старшие горничные опять к себе не подпустят, а ты всё-таки пострадавшая.

И убежала.

Ника осталась одна.

Приём. Глава Магической Безопасности. Ректор Академии. Советники короля.

И где-то среди всей этой публики — она. С ведром и тряпкой. С долговым контрактом. С чужим телом и своим сознанием.

«Так, — сказала она себе. — Спокойно. Это не проблема. Это возможность».

Она вспомнила золотистую сеть над камином. Вспомнила, как легко её пальцы нашли активизирующий узел.

Если она видит магические структуры — это не просто «странность». Это дар. Редкий дар. И, возможно, её билет в новую жизнь.

Только нужно быть осторожной. Очень осторожной. Потому что служанка с магическим даром — это подозрительно. А подозрительных служанок в феодальных мирах, если верить книгам, обычно сжигают на кострах или сажают в темницы.

Ника поправила передник.

— Значит, план такой, — тихо сказала она себе. — Сначала — разведка. Понять, что это за дар, как он работает и кто ещё о нём знает. Затем — найти способ легализоваться. И ни в коем случае не светиться раньше времени.

Она встала, придирчиво осмотрела комнату — чисто, аккуратно, камин горит — и направилась на поиски прислужьей столовой. Обед. Есть хотелось нестерпимо.

Столовая для прислуги находилась в цокольном этаже. Длинный зал с низким потолком, длинные деревянные столы, лавки. Народу было порядочно — человек двадцать, от мальчишек-посыльных до чопорных камердинеров.

Когда Ника вошла, несколько голов повернулось в её сторону. Кто-то фыркнул, кто-то перешёптывался. Видимо, история с лабораторией уже обросла сплетнями.

— Ника! Сюда! — Кора призывно махала рукой с дальнего конца стола.

Ника взяла поднос с миской (густая похлёбка, ломоть хлеба, кружка воды) и села рядом.

— Спасибо.

— Да ладно, — Кора отмахнулась. — Ты главное не обращай внимания. Они всегда шепчутся. Скучно им, вот и выдумывают.

— А что выдумывают? — Ника попробовала похлёбку. Вкусно. Густо, наваристо, с кусочками мяса.

— Ну... — Кора замялась. — Что ты нарочно в лабораторию залезла. Что ты якобы... шпионка.

Ника чуть не поперхнулась.

— Шпионка?

— Ну да. Говорят, тебя твой бывший подослал. Ну, который тебя продал. Гидеон. Будто он теперь работает на врагов короны и хочет через тебя узнать тайны лорда Торнвуда.

— Замечательно, — Ника отложила ложку. — Просто замечательно. Значит, я шпионка врагов короны. А чего не королева пиратов? Было бы романтичнее.

Кора хихикнула.

— Ты смешная стала. Раньше ты никогда не шутила.

— Раньше я много чего не делала, — Ника пожала плечами. — Видимо, удар по голове пошёл на пользу.

— Может, и так, — Кора посерьёзна. — Ты только это... осторожнее с Мартой. Она тебя невзлюбила.

— Я заметила.

— Она давно в доме служит, ещё при старом лорде начинала. И она... ну, не любит, когда кто-то выделяется. А ты после лаборатории странная стала. Она чует.

— Что чует?

— Не знаю, — Кора поёжилась. — Просто чует. У неё нюх на неприятности. Она лорду уже докладывала, что с тобой что-то не так.

Ника внутренне напряглась.

— И что лорд?

— Ничего. Сказал: «Присматривай». Он вообще немногословный.

«Присматривай». Значит, лорд Торнвуд уже в курсе, что его новая служанка ведёт себя не так, как раньше. Это плохо. Очень плохо.

— Ладно, — Ника доела похлёбку. — Что мне надо делать на приёме?

— Ой, точно! — Кора вскочила. — Нам с тобой велено быть в большом зале. Подавать напитки и закуски. Марта выдаст форму. И главное — не попадаться на глаза гостям без дела. Знай себе ходи с подносом и улыбайся.

— Улыбаться — это я умею, — мрачно сказала Ника. — Восемь лет практики.

К вечеру особняк гудел как растревоженный улей.

Слуги носились по коридорам, на кухне кипела работа, из винного погреба поднимали бутылки, из кладовых — парадную посуду. Марта, в чёрном платье экономки, раздавала приказы, как генерал перед битвой.

Никю и Кору поставили в большой зал — огромное помещение с колоннами, хрустальными люстрами (магическими, как выяснилось, когда Ника прищурилась и увидела светящуюся сеть) и длинными столами, сервированными с немыслимой роскошью.

Форма оказалась ничего так — тёмно-синее платье с белым передником, белый чепец. Лучше, чем то серое рубище, в котором Ника очнулась. Платье было ей чуть великовато в груди, но Ника подтянула шнуровку, и вроде стало прилично.

Гости начали прибывать, когда за окнами сгустились сумерки.

Ника стояла с подносом, на котором высились бокалы с искрящимся вином, и наблюдала.

Мир был не просто магическим — он был... красивым. По-настоящему красивым, как на картинах старых мастеров. Дамы в платьях из переливающегося шёлка, с причёсками, в которые были вплетены светящиеся нити (магические украшения, догадалась Ника). Мужчины в камзолах, при шпагах, с орденскими лентами. И магия повсюду — лёгкая, повседневная, как мобильные телефоны на Земле. Кто-то подзывал слугу заклинанием, кто-то поправлял причёску взмахом руки, кто-то создавал крошечные иллюзии, чтобы развлечь собеседника.

И среди всей этой толпы выделялся один человек.

Лорд Рейнар Торнвуд.

Он стоял у камина — высокий, широкоплечий, в тёмно-сером камзоле, расшитом серебром. Чёрные волосы собраны в низкий хвост. Лицо — породистое, с резкими чертами, которые обычно называют «орлиными». Тяжёлый подбородок, твёрдая линия рта. Глаза — тёмные, почти чёрные, с холодным, оценивающим прищуром.

Ника поймала себя на том, что смотрит на него слишком пристально. Отвернулась. Поправила бокалы на подносе.

— Ника! — прошипела Кора, пробегая мимо с подносом закусок. — Не стой столбом! Разноси!

И она пошла.

Гости брали бокалы, не глядя на неё. Для них она была пустым местом. Частью интерьера. Функцией. И это было... унижительно? Нет. Скорее отрезвляюще. В прошлой жизни на неё хотя бы смотрели. Здесь она была тенью.

— Эй, — чей-то палец коснулся её локтя.

Ника обернулась.

Перед ней стоял мужчина — невысокий, плотный, с румяным лицом и масляными глазками. От него пахло вином и потом.

— Новенькая? Не припомню тебя.

— Я недавно, господин, — Ника опустила глаза, как, по её представлениям, и должна была сделать служанка.

— Ага. Славенькая. Принесёшь мне ещё вина попозже? В отдельный кабинет? — его пальцы скользнули по её запястью.

Что-то внутри Ники вспыхнуло. Острое. Горячее. Знакомое — как привкус крови на разбитой губе.

Она подняла глаза и посмотрела на мужчину. Взглядом, от которого когда-то цепенели зарвавшиеся прорабы.

— Боюсь, у меня другие обязанности, — сказала она ледяным тоном. — Могу позвать старшую горничную, она подберёт вам кого-нибудь более подходящего.

Мужчина моргнул. Потом ещё раз. Убрал руку.

— Ну и ладно, — пробормотал он. — Не очень-то и хотелось.

И отошёл.

Ника выдохнула. Сердце колотилось, но лицо оставалось спокойным.

«Спокойно. Ты здесь никто. Ты не можешь позволить себе скандалы. Пока не можешь».

Она развернулась — и застыла.

Лорд Торнвуд смотрел прямо на неё.

Не на гостей. Не на ректора, который что-то говорил ему в этот момент. А на неё. На служанку с подносом.

И в его тёмных глазах горело откровенное любопытство.

Ника опустила взгляд. Сделала книксен — как умела. И быстро отошла в сторону.

Но спиной она чувствовала этот взгляд ещё долго.

Приём закончился за полночь.

Ника, сбиваясь с ног от усталости, помогала убирать большой зал. Ноги гудели. Руки дрожали от напряжения — подносы были тяжёлые, а тело слабое.

Кора клевала носом в углу, складывая скатерти.

— Ника, — голос Марты раздался неожиданно близко. — Тебя лорд вызывает. В кабинет. Сейчас.

Внутри всё оборвалось.

— Зачем? — спросила Ника, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Не твоего ума дело, — отрезала Марта. — Велено — иди. Быстро. И приведи себя в порядок.

Ника поправила чепец, одёрнула передник и пошла.

Кабинет лорда находился на втором этаже, в западном крыле. Массивная дубовая дверь, охраняемая двумя каменными статуями (Ника прищурилась и увидела вокруг статуй плотную охранныю сеть — эти «украшения» вполне могли ожить при необходимости).

Она постучала.

— Войдите.

Голос был низкий. Глубокий. С лёгкой хрипотцой.

Ника вошла.

Кабинет оказался огромным. Книжные шкафы до потолка, массивный письменный стол, заваленный бумагами. Камин, в котором горел живой огонь. Карты на стенах. И магия — столько магии, что у Ники зарябило в глазах. Защитные сети, следящие заклинания, какие-то сложные многомерные структуры, назначения которых она даже не могла предположить.

Лорд Торнвуд сидел за столом. Без камзола — в одной белой рубашке с расстёгнутым воротом. Волосы распущены. В руке — бокал с тёмным вином.

— Закройте дверь, — сказал он, не глядя на неё.

Ника закрыла. Осталась стоять у двери.

Молчание затягивалось. Лорд читал какой-то документ, делая пометки пером. Потом отложил бумаги. Поднял глаза.

Взгляд был тяжёлым. Испытующим. Но не злым — скорее, заинтересованным.

— Вы — Ника, — произнёс он. — Та самая служанка, которую две недели назад доставили в мой дом по долговому контракту Гидеона Флинта.

— Да, милорд.

— Та самая, что четыре дня назад влезла в мою магическую лабораторию без допуска. Где сработало охранное заклинание седьмого уровня сложности. Заклинание, которое должно было убить вас на месте.

Ника молчала.

— Однако вы не только выжили, но и, как мне докладывают, стали вести себя... иначе, — он откинулся на спинку кресла. — Моя экономка утверждает, что вы «сами не своя». Слуги шепчутся. Гость жалуется, что какая-то служанка посмотрела на него так, что у него пропало настроение.

Лорд усмехнулся — одними уголками губ.

— И вот вы стоите передо мной. Живая. Здоровая. И смотрите мне в глаза, хотя прежняя Ника не могла поднять взгляд выше моего подбородка.

Пауза.

Ника молчала. Что тут скажешь?

— Кто вы? — спросил Рейнар Торнвуд. — И что вы сделали с моей служанкой?

Сердце бухнуло в груди. Но Ника не отвела взгляд.

— Я — Ника, милорд, — сказала она медленно. — Та самая, которую вы купили за долги Гидеона Флинта. Но четыре дня назад со мной кое-что произошло. То самое заклинание... оно меня изменило.

— Изменило?

— Я стала видеть магию, — сказала Ника. И добавила про себя: «Не всю правду. Но достаточно, чтобы он заинтересовался».

Лорд Торнвуд подался вперёд.

— Покажите, — приказал он.

Ника прищурилась, глядя на камин. Золотистая сеть проявилась перед глазами — сложная, красивая, с алыми нитями огня и голубыми — защитного контура.

— Защитное заклинание над огнём, — произнесла она. — Стандартный контур, но с дополнительным узлом безопасности — вот здесь. И ещё... — она пригляделась. — Оно связано с общей охранной системой дома. Если огонь выйдет из-под контроля, сработает сигнал на весь особняк.

Она перевела взгляд на лорда.

Тот смотрел на неё с выражением, которое она не могла расшифровать. Изумление? Жадный интерес? Расчёт?

— Потрясающе, — произнёс он наконец. — Вы описываете заклинание девятого уровня так, словно читаете раскрытую книгу. А ведь вы — служанка. Без магического образования. Без дара, зафиксированного артефактами.

Он встал. Обошёл стол. Подошёл ближе — и остановился в двух шагах от неё.

— Либо вы шпионка, очень хорошо подготовленная, — сказал он тихо, — либо вы — аномалия. Редчайший случай спонтанного пробуждения структурного зрения. Знаете, что это значит?

— Нет, милорд.

— Это значит, что вы — сокровище, — он посмотрел на неё сверху вниз. — Или угроза. В зависимости от того, как себя поведёте.

Ника выдержала его взгляд.

— Я предпочитаю быть сокровищем, — сказала она. — Это выгоднее.

И впервые за весь разговор лорд Торнвуд улыбнулся. По-настоящему. Холодной, хищной, но всё-таки улыбкой.

— Дерзко, — сказал он. — Что ж, Ника-которую-изменило-заклинание. Я дам вам шанс. Месяц. Вы будете работать в моём доме, как прежде. Но раз в неделю — приходите сюда и рассказывать, что вы видите. Магические структуры. Заклинания. Артефакты. Взамен я не стану сообщать властям о вашей... особенности.

— А что будет через месяц? — спросила Ника.

— Там посмотрим, — лорд вернулся за стол. — Можете идти. И да, Ника. Не пытайтесь сбежать. Контракт у меня. Без моего разрешения вы не выйдете за ворота.

Ника присела в книксене. Дошла до двери.

И уже у самого порога услышала:

— И ещё. Тот гость, который жаловался на ваш взгляд. Он больше не будет вас беспокоить. Я распорядился.

Ника обернулась. Лорд уже снова читал бумаги, словно ничего не сказал.

Она вышла в коридор. Прислонилась к стене.

Сердце колотилось как бешеное.

«Сокровище. Или угроза. Месяц. Контракт».

Значит так. Она только что из бессловесной служанки перешла в разряд «ценного ресурса». Это лучше, чем ведро и тряпка. Но всё ещё далеко от свободы.

А свобода ей нужна. Обязательно.

Потому что последняя фраза лорда, вместо того чтобы успокоить, заставила её напрячься. «Я распорядился». Значит, он следит. Значит, он контролирует. Значит, он уже принял решение считать её своей собственностью — просто теперь более ценной.

«Ну уж нет. В прошлой жизни я уже была чьей-то собственностью. Хватит».

Ника расправила плечи и пошла в свою каморку. Завтра предстояло много работы. И ещё больше — размышлений о том, как из «сокровища» превратиться в свободного человека.

ГЛАВА 3. СЮРПРИЗ ОТ МЕСТНОЙ ЗАГОГУЛИНЫ

Утро началось с того, что кто-то барабанил в дверь её каморки. Барабанил настойчиво, громко и с явным намерением продолжать до победного.

Ника открыла глаза. Над ней нависал всё тот же каменный потолок с паутиной в углу. Не приснилось. Жаль.

— Ника! Открывай давай! — голос Кору звучал взволнованно. — Тут такое! Такое!!!

— Если там дракон, дай мне ещё пять минут поспать, — хрипло отозвалась Ника, садясь на тюфяке. — Я не в форме для драконов с утра. У меня даже кофе не было. Тут вообще есть кофе? Или магия уже дошла до того, чтобы синтезировать кофеин прямо в кровь?

— Какой кофе?! — Кора, видимо, не оценила глубину её страданий. — Там человек! Из города! С бумагами! Про тебя!

Ника окончательно проснулась.

— Про меня? Что за человек?

— Открой — расскажу!

Она встала, накинула платье, кое-как пригладила волосы и открыла дверь. Кора влетела в каморку, как снаряд из катапульты. Глаза у неё горели тем особенным огнём, который бывает у людей, узнавших сплетню категории «я-не-могу-это-держат-в-себе».

— Там, внизу, — зашептала она, размахивая руками, — какой-то тип. Говорит, что он твой... — она замялась, подбирая слово, — ...представитель.

— Представитель? — Ника приподняла бровь. — У меня нет представителей. Я не рок-звезда и не футбольный клуб. Разве что адвокат, но боюсь, межмировая коллегия адвокатов ещё не открыла филиал в вашем захолустье.

— Чего? — Кора захлопала глазами.

— Не обращай внимания, мысли вслух. Что за представитель?

— Ну... он говорит, что представляет интересы твоего бывшего мужа. Гидеона. И у него какие-то бумаги, заверенные магическим судом. Марта его в холл пустила, а сама побежала к лорду. Но лорд ещё спит, он вчера после приёма поздно лёг...

Ника почувствовала, как внутри поднимается знакомая холодная волна. Та самая. Которая когда-то поднималась при виде Стаса, переступающего порог дома пьяным. Которая заставляла распрямлять плечи и готовиться к бою.

— Так, — сказала она ледяным тоном. — Значит, Гидеон прислал представителя. Интересно, зачем. Я вроде как уже продана, кредит погашен, комиссия выплачена. Что ему ещё нужно? Дополнительный бонус за выслугу лет?

— Не знаю! — Кора чуть не подпрыгивала на месте. — Но там что-то серьёзное! Пойдём, посмотрим! Только осторожно!

Ника накинула передник, поправила чепец (боги, как она ненавидела этот чепец — он делал её похожей на грустную овечку) и вышла в коридор.

— Знаешь, Кора, — сказала она по пути, — в моей прошлой жизни был один хороший принцип. Если кто-то приходит с бумагами в такую рань — ничего хорошего в этих бумагах нет. Обычно это означает, что тебя пытаются обсчитать, развести или обвинить в чём-то, чего ты не совершала.

— В прошлой жизни? — переспросила Кора.

— Оговорка. В прошлом году.

Они спустились по служебной лестнице и вышли в малый холл — тот, куда допускали посетителей, не дотягивающих до уровня «гость лорда».

В холле стоял человек.

Он был из тех, кого Ника с первого взгляда определяла в категорию «канцелярская крыса». Средних лет, сутуловатый, в тёмно-коричневом костюме, который сидел на нём как на вешалке — чуть мешковато, чуть не по размеру. На носу — очки в тонкой металлической оправе. В руках — кожаная папка, набитая бумагами. От него пахло чернилами, пылью и бюрократией.

Канцелярские крысы — они везде одинаковые, подумала Ника. Что в магическом мире, что в министерстве строительства. Та же осанка «я-только-исполняю», тот же бегающий взгляд, та же манера поправлять очки, когда нервничают.

— Госпожа Ника Флинт? — спросил он, увидев её.

— Просто Ника, — ответила она. — Без «госпожи» и, желательно, без «Флинт». Последнее — вообще оскорбление в приличном обществе.

Человечек моргнул, явно не ожидавший такого тона от служанки.

— Э-э-э... хорошо. Меня зовут Криспин Борк, я младший клерк магической канцелярии округа Вельден, — он чуть поклонился, но как-то неубедительно. — Я уполномочен передать вам документы от вашего... э-э-э... бывшего супруга, господина Гидеона Флинта.

— Документы? — Ника скрестила руки на груди. — Какие ещё документы? Я думала, все документы закончились в тот момент, когда он продал меня за долги. Или есть дополнительные страницы? «Приложение А: как избавиться от жены и не разориться»?

Криспин Борк нервно поправил очки.

— Видите ли, господин Флинт утверждает, что контракт о передаче долговых обязательств был составлен с нарушением некоторых формальностей. В частности, он заявляет, что не имел права передавать вас лорду Торнвуду в единоличном порядке, поскольку вы на момент составления контракта всё ещё являлись его законной супругой, а не долговым активом.

— Что? — Ника уронила руки. — Погодите. Он хочет сказать, что продал меня незаконно?

— Именно так, — клерк просиял, радуясь, что его поняли. — Господин Флинт утверждает, что долговой контракт недействителен, и требует вашего возвращения в его распоряжение до пересмотра дела в магическом суде.

В холле повисла тишина.

Кора, стоявшая за спиной Ники, издала звук, похожий на сдавленный писк.

Ника медленно выдохнула. Потом вдохнула. Потом ещё раз.

Так, спокойно. Она инженер. Она умеет решать проблемы. Сейчас она спокойно проанализирует ситуацию и найдёт оптимальное решение.

Спокойно.

СПОКОЙНО.

Да кого она обманывает?! Ей хотелось рвать и метать!

— То есть, — произнесла она голосом, от которого Криспин Борк почему-то попятился, — этот... этот... — она пыталась подобрать цензурное слово, — ...этот выдающийся представитель мужского населения сначала продал меня, как мешок картошки. Потом, когда я уже отработываю его долг, он решает, что продал меня **НЕПРАВИЛЬНО**. И теперь хочет меня **ВЕРНУТЬ**?

— Э-э-э... формально — да, — клерк снова поправил очки. — Для пересмотра дела.

— Чтобы **ПЕРЕПРОДАТЬ** дороже?! — Ника шагнула вперёд. — У меня что, на лбу написано: «Скидка для козлов — 100%»? Или где-то на спине вытатуировано: «Возврату и обмену не подлежит, но есть нюансы»?!

— Я... я только передаю документы, — пролепетал Криспин Борк, пятясь. — Я не уполномочен комментировать...

— А что вы уполномочены?! — Ника наступала. — Передать ему мой ответ? Так вот, передайте. Дословно. Скажите, что Ника, бывшая Флинт, передаёт Гидеону Флинту пламен-

ный привет и рекомендует ему засунуть свои претензии в то самое место, которым он думает. Если он, конечно, думает. В чём я лично глубоко сомневаюсь, потому что для того, чтобы думать, нужен мозг, а у него, судя по всему, этот орган атрофировался за ненужностью!

Криспин Борк побелел. Потом покраснел. Потом стал цветом где-то между несвежей простоквашей и вылинявшим флагом.

— Это... это неофициальный ответ, — пролепетал он. — Мне нужен письменный...

— Будет вам письменный! — Ника схватила с ближайшего столика лист бумаги (какой-то счёт или записку — не важно) и перо. И размашисто написала поперёк листа: «Я НЕ ВЕЩЬ. ВОЗВРАТУ НЕ ПОДЛЕЖУ. ПОШЁЛ ВОН. НИКА».

— Вот, — она сунула лист клерку. — Официальный ответ. Заверять печатью не буду, обойдётся. Свободны!

Криспин Борк открыл рот. Закрыл. Ещё раз открыл. Потом судорожно закивал, прижал к груди папку и злосчастный лист и буквально вылетел из холла.

Дверь за ним захлопнулась.

Ника стояла посреди холла, тяжело дыша. Кора смотрела на неё с таким выражением, будто увидела, как минимум, явление божества.

— Ника... — прошептала она. — Ты... ты это... Ты понимаешь, что ты сейчас сделала?

— Выгнала идиота? — Ника всё ещё не могла отдышаться. — Да. Получила огромное удовольствие.

— Ты послала официального клерка магической канцелярии! — Кора схватилась за голову. — С письменным ответом! Который он теперь приложит к делу! В суде!

— И что? — Ника пожала плечами. — Пусть прикладывает. Я своё мнение не изменю. Этот... как его... Гидеон — он продал свою жену. Не корову. Не лошадь. Жену. Живую женщину. И теперь хочет вернуть, потому что ему что-то там не понравилось в оформлении сделки? А обо мне кто-нибудь подумал? О том, что я, может быть, не хочу возвращаться? О том, что я вообще живой человек, а не бракованный товар?!

Она остановилась, потому что голос сорвался.

Кора молчала.

Из коридора, ведущего вглубь дома, слышались шаги. Тяжёлые. Уверенные. И голос — низкий, с лёгкой хрипотцой:

— Браво.

Ника обернулась.

В дверях стоял лорд Рейнар Торнвуд.

Он был в домашнем халате — тёмно-бордовом, с серебряной вышивкой. Волосы распущены по плечам. Глаза — как всегда, холодные, тёмные, с вечной искоркой то ли насмешки, то ли любопытства. И он хлопал. Медленно. Размеренно. Три хлопка.

— Браво, Ника, — повторил он, входя в холл. — Я слышал достаточно, чтобы понять: моя служанка только что в одиночку выиграла битву с бюрократической машиной Вельдени. Редкое зрелище. Обычно эта машина перемальвает людей, как мельница — зерно.

Ника присела в книксене, хотя внутри всё ещё клокотало.

— Прошу прощения, милорд. Я не знала, что вы проснулись.

— О, я проснулся примерно на фразе «скидка для козлов», — Рейнар усмехнулся. — И должен признать, это было лучшее утреннее пробуждение за последние несколько лет. Обычно меня будят доклады о заговорах и покушениях. А тут — такое представление.

Он подошёл ближе. Ника внутренне напряглась, но не отступила.

— Дайте-ка угадаю, — лорд прищурился. — Гидеон Флинт узнал, что вы... скажем так, несколько изменились. Похорошели. Перестали быть забитой мышью. И решил, что актив, который он сбыл за бесценок, на самом деле стоит дороже.

— Или просто хочет мне насолить, — процедила Ника. — Он из тех людей, которым важно не получить выгоду, а сделать гадость. Знаю я этот тип. Навидалась.

— Интересный опыт для простой служанки, — заметил Рейнар. — Откуда же вы «навидались»?

Ника прикусила язык. Прокол. Она только что чуть не выдала себя.

— Жизненный опыт, милорд, — сказала она ровно. — Служанки тоже живут. И иногда наблюдают.

— Несомненно, — Рейнар кивнул, но в глазах мелькнуло что-то острое. Он не поверил. Но развивать тему не стал. — Что ж, я вас поздравляю. Вы только что нажили себе врага в лице магической канцелярии и, вероятно, судебного исполнителя в придачу. Но это меньшая из проблем.

— А какая большая?

— Та, что Гидеон Флинт не успокоится, — лорд посмотрел на неё серьёзно. — Он из тех людей — раз вы «знаете этот тип», — которые не прощают унижений. А вы его только что унизили. Публично. С письменным ответом, который будет гулять по канцелярии и вызывать смешки у клерков.

Ника помолчала.

— И что вы предлагаете?

— Я? — Рейнар приподнял бровь. — Я ничего не предлагаю. Я просто констатирую факт. Но, как ваш временный... хозяин, — он произнёс это слово с едва заметной иронией, — я обязан вас предупредить. За воротами особняка вы теперь — мишень. Гидеон имеет право подать прошение о принудительном возвращении долгового актива. Если суд встанет на его сторону — а суды у нас продажные, — вас могут просто забрать. Без моего согласия.

Внутри у Ники всё похолодело.

— А вы? — спросила она тихо. — Вы позволите?

Рейнар посмотрел на неё долгим взглядом.

— Я не люблю, когда у меня забирают то, что принадлежит мне, — сказал он наконец. — Даже если это строптивая служанка, которая портит мне репутацию образцового хозяина. Так что нет. Не позволю. Но и защищать вас вечно я не намерен.

— Что я должна сделать?

— Найти способ защитить себя сама, — он развернулся к выходу. — Вы видите магические структуры, Ника. Это редчайший дар. Развивайте его. Учитесь. И, возможно, через месяц вы станете достаточно ценной, чтобы суд десять раз подумал, прежде чем отдавать вас какому-то Флинту.

Он остановился в дверях.

— И да, Ника. Ваш письменный ответ клерку... «Пошёл вон» — это, конечно, эффектно. Но в следующий раз попробуйте формулировку «прошу отклонить ходатайство в связи с необоснованностью претензий». Звучит почти так же уничтожающе, но у судей вызывает меньше вопросов.

И ушёл.

Ника осталась в холле. Кора осторожно подошла и тронула её за рукав.

— Ты как?

— Жить буду, — Ника потёрла лоб. — Кажется.

— А что он сказал про дар? — Кора округлила глаза. — Ты видишь магию? Правда?

— Правда. Только не кричи об этом на весь особняк.

— Ой! — Кора зажала рот ладонью. — Могила!

Ника вздохнула.

Месяц. У неё есть месяц, чтобы из «строптивой служанки» превратиться в «достаточно ценную». Иначе Гидеон, магический суд и вся бюрократическая машина Вельдени раздавят её, как букашку.

— Кора, — спросила она, — а где здесь библиотека?

Библиотека особняка оказалась местом, достойным отдельного описания.

Огромный двухсветный зал. Стеллажи от пола до потолка, заставленные книгами в кожаных переплётах. Свитки в специальных футлярах. Шкафы с картами и гравюрами. Огромный глобус — нет, не Земли, а какого-то местного мира с тремя континентами и неизвестными названиями. Магические светильники, горящие ровным мягким светом. И посреди всего этого великолепия — массивный дубовый стол с креслом.

— Библиотека лорда Торнвуда, — благоговейно прошептала Кора. — Нам сюда нельзя вообще-то.

— Нам много чего нельзя, — Ника уже шла вдоль стеллажей. — Но лорд сам сказал: развивай дар. А как его развивать без книг?

— Логично, — согласилась Кора.

— Вот именно. К тому же, я — сокровище, — Ника фыркнула. — Сокровищам можно в библиотеку. Это привилегия.

Она шла и читала названия на корешках. «Основы магических структур» Теодора Вайса. «Теория защитных контуров». «История развития заклинательного искусства». «Классификация магических аномалий». «Структурное зрение: миф или реальность?» — эта книга заставила её остановиться. Ника вытащила её с полки.

— Нашла что-то? — Кора заглянула через плечо.

— Похоже на то.

Книга была старой, но не пыльной — видимо, лорд действительно следил за библиотекой. Ника открыла её.

«Структурное зрение — редчайший дар, позволяющий его обладателю визуально воспринимать магические плетения как видимые структуры. По имеющимся данным, за последние пятьсот лет было зафиксировано не более двенадцати достоверных случаев. Большинство носителей дара — потомственные маги высоких ступеней, однако известны случаи спонтанного пробуждения после магических инцидентов...»

Ника подняла бровь.

— Двенадцать случаев за пятьсот лет? И я тринадцатая? Надеюсь, число не несчастливое.

— Ты чего? — не поняла Кора.

— Не обращай внимания. Приметы из моего мира.

Она продолжила читать.

«...Дар структурного зрения считается одним из сильнейших аналитических инструментов в магической науке. Его обладатель способен не только видеть, но и корректировать плетения, что делает его потенциально опасным. В истории известны случаи, когда носители дара подвергались преследованиям со стороны магических орденов, опасавшихся, что способность взламывать заклинания попадёт в руки врагов...»

— О, супер, — пробормотала Ника. — Значит, меня ещё и преследовать могут. Замечательно. Просто курорт. В прошлой жизни меня преследовали кредиторы бывшего мужа. В этой будут преследовать магические ордена. Всё идёт по нарастающей.

— Что там? — Кора пыталась заглянуть в книгу.

— Ничего хорошего. Но хотя бы понятно, почему лорд так заинтересовался.

Она пролиставала дальше. Книга описывала методы тренировки дара: упражнения по фокусировке, техники распознавания различных типов заклинаний, практические советы по «чтению» сложных плетений.

— Это как учебник по схемотехнике, — Ника задумчиво перевернула страницу. — Только вместо электрических схем — магические. А я как раз инженер-конструктор. Слушай, Кора, а что такое магическая структура? В смысле, как её определяют?

— Ну... — Кора замялась. — Я не очень разбираюсь. Я ж простая служанка. Но говорят, любое заклинание — это как бы... ну, как вязание. Ниточки в узелочки, узелочки в узор. Только вместо ниток — магическая сила.

— Так, ниточки в узелочки, — Ника кивнула. — А если узелочки завязать по-другому?

— Тогда заклинание или не сработает, или сработает иначе. Этим магистры в Академии занимаются. Придумывают новые заклинания.

Новые заклинания. Придумывают. То есть тут целая наука. И она, Ника, возможно, может эту науку освоить быстрее, чем кто-либо другой. Потому что у неё уже есть образование, позволяющее мыслить в категориях структур, связей и преобразований.

— Кора, — спросила она медленно, — а женщины в Академии учатся?

Кора хихикнула.

— Нет, конечно. Женщинам нельзя. Магия — это для мужчин. Ну, если ты не целительница. Целительниц учат. Но боевых магов, структуралистов, теоретиков — только мужчин.

— А если женщина захочет стать структуралистом?

— Скажут, что у неё ум за разум зашёл. Или что её порча поразила. Или...

— Достаточно, — Ника закрыла книгу. — Я поняла.

Значит так. Она — редчайший дар в теле служанки. Женщина с инженерным образованием в мире, где женщинам нельзя в науку. И бывший муж, который хочет её вернуть.

Задача: выжить, получить свободу и желательно — добиться такого положения, чтобы ни один мужчина больше не мог её «продать» или «вернуть».

Решение: стать полезной настолько, чтобы система сама её защитила.

Путь: Академия. Но туда не берут женщин.

Значит, надо стать «не женщиной». Хотя бы временно.

— Кора, — спросила Ника, — а как в вашем мире относятся к мужчинам, которые носят корсеты?

— В каком смысле? — Кора удивлённо захлопала глазами.

— В прямом.

— Ну-у-у... есть такие. Военные, которые раненые в спину. Или которые для осанки.

Или...

— А усы? Усы мужчинам носить положено?

— Ну, благородные господа многие носят. Это... модно.

Ника кивнула. План начинал вырисовываться. Безумный. Совершенно безумный. Но другого у неё не было.

— Кора, — сказала она, — ты не знаешь, где здесь можно раздобыть мужской костюм? Не очень дорогой. И иллюзию, меняющую голос?

Кора открыла рот. Закрыла. Села на ближайший стул.

— Ой, мамочки, — сказала она. — Кажется, ты опять что-то задумала.

— Я? — Ника изобразила оскорблённую невинность. — Я просто интересуюсь местной модой. Исключительно в познавательных целях.

Кора ей не поверила. Но, надо отдать ей должное, спорить не стала.

Вечером, когда основные дела были сделаны, Ника снова оказалась в каморке. На коленях лежала книга «Структурное зрение: миф или реальность?», украденная (ладно, позаимствованная на время) из библиотеки. Рядом — огрызок карандаша и лист бумаги, на котором она пыталась рисовать схемы.

Она прищурилась, глядя на магический светильник. Золотистая сеть проявилась перед глазами — чёткая, красивая.

— Так, — пробормотала Ника. — Вот узел питания. Вот распределительный контур. Вот регулировка яркости... Это же чистая электротехника, только в магическом исполнении. Если я могу видеть эти схемы, я могу их чертить. А если могу чертить — значит, могу и конструировать.

Она набросала на бумаге несколько линий.

— А если могу конструировать — значит, я могу поступить в Академию. Не как женщина. Как мужчина. Потому что в мире, где у женщин нет права на образование, единственный способ получить это право — перестать быть женщиной. Хотя бы на время.

Она откинулась на тюфяк.

Безумный план. Абсолютно безумный. Но других вариантов не было. Гидеон со своими претензиями — это только начало. Если она останется просто служанкой с даром, её раздавят. Лорд? Лорд пока её защищает, но он защищает свою собственность. А не свободного человека.

Свобода. Вот что ей нужно.

И она её добьётся. Чего бы это ни стоило.

— Ну что ж, Ника, — сказала она потолку. — Готовься. Похоже, мы начинаем операцию «Усатый нянь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.